

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №4 (25)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдиков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №4 (25)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

The journal was prepared with the support of the RSF grant on “Religion and power: the historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Руденко К. А.</i> Клады эпохи Волжской Булгарии на Старо-Куйбышевском археологическом комплексе в Татарстане: состав, датировка, интерпретация.....	7
<i>Дашковский П. К.</i> Кочевые народы Центральной Азии эпохи Средневековья в исторических исследованиях российских ученых второй половины XIX — начала XX в.	34
<i>Нарудцева Е. А., Радовский С. С., Серегин Н. Н.</i> К вопросу о значении полевых исследований Э. М. Медниковой в развитии археологии Алтая.....	50
<i>Серегин Н. Н.</i> Археология раннесредневековых тюрок Центральной Азии: основные этапы исследований и интерпретации комплексов	65
<i>Папин Д. В.</i> Проблемы этнокультурного взаимодействия населения степного и лесостепного Алтая в период поздней бронзы	80

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кожа М. Б., Балтабаева А. Ю.</i> Туркестанская легенда о Ноевом ковчеге на вершине горы Казыкурт	87
<i>Гундова О. Е.</i> Российская интеллектуальная элита XVIII — середины XIX в. об экономике казахов	98
<i>Лысенко Ю. А.</i> Процесс возвращения беженцев — участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской власти в 20-е гг. XX в.	112

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Дробышев Ю. И.</i> Монгольский хаган как сын Бога.....	123
<i>Шерстюков С. А.</i> «Раскрепощение» мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.)	148

ДЛЯ АВТОРОВ	161
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Treasures of the era of the Volga Bulgaria at the old kuibyshev's archaeological complex in Tatarstan: composition, dating, interpretation	7
<i>Dashkovskiy P. K.</i> The nomadic nations of Central Asia of the Middle ages in historical research of russian scientists of the second half of XIX — early XX century archeology and etno-kultural history	34
<i>Narudtseva E. A., Radovsky S. S., Seregin N. N.</i> To the question of the importance of field research of E. M. Mednikova in the development of archeology in Altay	50
<i>Seregin N. N.</i> Archeology of the early medieval turks of Central Asia: main stages of research and interpretations of the complexes	65
<i>Papin D. V.</i> Problems of ethnic and cultural interaction of the population steppe and forest-steppe Altai in the late bronze age.....	80

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kozha M. B., Baltabayeva A. Yu.</i> Turkestan legend of Noah's ark on top of mount Kazygurt	87
<i>Gundova O. E.</i> Russian intellectual elite of the XVIII — middle of XIX centuries about the economy of the kazakhs.....	98
<i>Lysenko Y. A.</i> The process of returning refugees –participants of the Turkestan uprising of 1916 from China by the organs of Soviet power in the 1920s of the 20 th century	112

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Drobyshev Yu. I.</i> Mongolian khagan as a son of the God.....	123
<i>Sherstyukov S. A.</i> “Emancipation” of muslim women in Central Asia: strategies of resistance and ways of adaptation (1920s–1930s)	148

FOR AUTHORS	161
--------------------------	-----

УДК 94

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–08

Ю. А. Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ПРОЦЕСС ВОЗВРАЩЕНИЯ БЕЖЕНЦЕВ — УЧАСТНИКОВ ТУРКЕСТАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1916 г. ИЗ КИТАЯ ОРГАНАМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 20-е гг. XX в.¹

Целью статьи является реконструкция процесса реэвакуации органами советской власти в 20-е гг. XX в. из китайской провинции Синьцзян коренных народов Туркестана — казахов и кыргызов, бежавших туда во время восстания 1916 г. Источниковой основой статьи выступили документы делопроизводства советских органов власти, прежде всего отчеты, протоколы совещаний и переписка уполномоченных Народного комиссариата по иностранным делам в Синьцзяне, позволяющие в полном объеме воссоздать общее количество беженцев, их экономическое положение, механизмы их возвращения на родину и проблемы адаптации к новым условиям жизни.

К вопросу о возвращении в СССР беженцев — участников туркестанского восстания 1916 г. советское правительство обратилось после окончания Гражданской войны в 1921 г. Основная организационная работа по выявлению беженцев, проведению среди них разъяснительной работы, урегулированию правовых вопросов с представителями власти Синьцзянской провинции, а также само переселение беженцев в пределы Казахской и Туркестанской автономных Советских Социалистических Республик пришлось выполнять уполномоченным Народного комиссариата по иностранным делам в Кульдже и Чугучаке.

Ключевые слова. Советская Россия, Туркестанское восстание 1916 г., беженцы, кыргызы, казахи, Синьцзян.

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1. Б597АА00002 «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности».

Yu. A. Lysenko

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE PROCESS OF RETURNING REFUGEES –PARTICIPANTS OF THE TURKESTAN UPRISING OF 1916 FROM CHINA BY THE ORGANS OF SOVIET POWER IN THE 1920^S OF THE 20TH CENTURY

The aim of the article is to reconstruct the process of re-evacuation by the Soviet authorities in the 1920s of the 20th century indigenous peoples of Turkestan — the Kazakhs and the Kyrgyz from the Chinese province of Xinjiang, who fled there during the uprising of 1916 to fully recreate the total number of refugees, their economic situation, the mechanisms of their return to their homeland and the problems of adaptation to new living conditions. After the end of the civil war in 1921, the Soviet government turned to the question of the return to the USSR of refugees participating in the Turkestan uprising of 1916. The main organizational work is to identify refugees, conduct explanatory work among them, settle legal issues with representatives of the authorities of the Xinjiang province, as well as, in fact, the very resettlement of refugees within the Kazakh and Turkestan Autonomous Soviet Socialist Republics had to be carried out by the Commissioner of the People's Commissariat for Foreign Affairs in Gulja and Chuguchak.

Keywords: Soviet Russia, Turkestan uprising of 1916, refugees, Kyrgyz, Kazakhs, Xinjiang.

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** iulia_199674@mail.ru.

Lysenko Yulia Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** iulia_199674@mail.ru.

В июле 1916 г. в центральноазиатских окраинах России — Степном крае и Туркестане — вспыхнуло восстание коренных народов, направленное против указа императора Николая II о призыве инородцев империи на тыловые работы. Более глубинные причины массовых проявлений недовольства населением региона были связаны с разрушительными последствиями для традиционных обществ Степного края и Туркестана политики государства в регионе, масштабной экспроприацией земельных ресурсов у коренных кочевых этносов для крестьян-переселенцев. Значимость восстанию 1916 г. придавал тот факт, что оно началось в разгар мировой империалистической войны, в условиях разразившегося в стране глубокого системного кризиса. Это позволяло считать его частью общероссийского революционного движения против господствовавшего социально-политического режима. В то же время пред-

ставляется, что по своим причинам, внутреннему содержанию, регионально-локальным особенностям, методам борьбы, характеру внутриэтнического и межэтнического противостояния восстание 1916 г. было более глубоким, противоречивым и сложным социальным явлением в истории центральноазиатских народов Российской империи. Все это, безусловно, вызывает необходимость дальнейшего изучения событий столетней давности, делает данную проблему актуальной и перспективной научной темой.

В изучении восстания 1916 г. исследователи, как правило, акцентировали внимание на анализе его причин и последствий для народов Степного края и Туркестана. В советской историографии в условиях господства марксистско-ленинской методологии оно оценивалось как антиимпериалистическое, антивоенное [Рыскулов, 1924, 1926; Сулейменов, Басин, 1977: 84]. Его главными причинами считались особенности социально-экономического и политического развития Российской империи, предопределившие неизменный рост «колониального гнета военно-феодалного империализма» на коренное население Туркестана и Степного края [Сапаргалиев, 1966; Турсунов, 1962; Усенбаев, 1967]. В зарубежной историографии 1960–1980-х гг. преобладали крайне узкие оценки событий народного восстания народов Степного края и Туркестана в 1916 г. Так, американский исследователь Э. Д. Сокол подчеркивал исключительно религиозную направленность движения «мусульман Средней Азии против русских». По мнению исследователя, в восстании нашла отражение «известная борьба ислама против неверных» [Sokol, 1954: 188]. Исключительно нерешенностью межэтнических проблем объяснял причину событий 1916 г. Ч. Хостлер. Исследователь считал его «самым мощным антирусским восстанием» в истории Российской империи [Charles, 1957: 148].

В современных национальных историографиях государств постсоветской Центральной Азии причины протестного движения коренных народов Степного края и Туркестана в 1916 г. анализируются в контексте политики Российской империи в данном этнорегионе [История Казахстана, 2000: 627]. При этом присутствуют как либеральные оценки данной политики, так и крайне правые, авторы которых пытаются гипертрофировать роль межэтнического противостояния в данных событиях или представить действия колониальной администрации, направленные на подавление восстания, как этноцид [Какеев, 2015: 200–206; Бедельбаев, 2016: 201–205]. В современной российской историографии к событиям восстания 1916 г. в Туркестане, как справедливо отмечает Т. В. Котюкова, сложилось отношение как к теме «периферийной», а главное — «изученной и неактуальной» [Котюкова, 2016: 18]. В то же время появление в последнее время значительного объема документальных сборников, посвященных восстанию 1916 г., способствует выявлению «белых пятен» в его истории [Lysenko et al., 2015: 955–964] и требует их осмысления. Одной из таких тем является проблема возвращения беженцев — участников восстания из Китая на родину в 20–30-х гг. XX в.

Как известно, 6 марта 1917 г. Временное правительство подписало указ об амнистии участников восстания 1916 г. Несколько месяцев спустя началась работа Межведомственного совещания при Военном министерстве для обсуждения вопроса об оказании материальной помощи русскому, казахскому и киргизскому населению Семиреченской области, пострадавшему от «киргизского мятежа» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 103]. Значительное внимание на заседаниях Совещания уделялось вопросу возвра-

щения участников восстания из Синьцзяна, бежавших в китайскую провинцию в период его подавления царскими властями. Туркестанский комитет Временного правительства во главе с Тынышпаевым и Шкапским совместно с Областным киргизским съездом Семиреченской области разработали по поручению Межведомственной комиссии специальный план, согласно которому «для успокоения киргизов, возвращавшихся из пределов Китая», предполагалось «прежде всего, обеспечить их землей, а затем оказывать им материальную помощь и продовольствие». Учитывая тот факт, что беженцы сильно пострадали экономически и «ограблены китайцами донага», каждой бежавшей семье планировалось выплатить по 100 руб. компенсации. Исходя из расчета, что возвратиться из пределов Синьцзяна должно было 50000 семей, Туркестанским комитетом Временного правительства было запрошено 5000000 рублей [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 103об. — 104].

Решение Межведомственного совещания об оказании материальной помощи казахским и киргизским беженцам — участникам восстания 1916 г. было утверждено Постановлением Временного правительства об оказании помощи пострадавшим от «киргизского мятежа» в Семиреченской области 30 сентября 1917 г. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 176–176об.]. 25 октября 1917 г. Временное правительство обратилось к населению Семиреченской области, в котором содержался призыв к русскому, казахскому и киргизскому народам с просьбой простить взаимные обиды и примириться [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 108–108об.].

Начавшийся процесс возвращения беженцев-участников восстания 1916 г. из Китая в пределы Туркестана был прерван революционными событиями октября 1917 г. и последовавшей Гражданской войной в России 1918–1921 гг. Только после ее окончания уже советское правительство вновь вернулось к данной проблеме. При этом оно руководствовалось сугубо прагматическими задачами: стремясь усилить свое политико-идеологическое влияние среди мусульманского населения Туркестанской АССР, Советская Россия подчеркивала свое стремление максимально «исправить те несправедливости, которые в отношении киргиз были совершены царским правительством», и провести «ряд реформ для ликвидации бедственных для киргиз последствий прежней колонизаторской политики этого правительства, отнявшего у них лучшие пахотные и кочевые угодья в пользу искусственно насаждаемого в известных целях пришлого населения» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 412].

В ноябре 1921 г. в Кульдже состоялось совещание представителей РСФСР и киргизских беженцев. На нем присутствовали Уполномоченный в Западном Китае Казанский, Уполномоченный в Кульдже Куликов, а также представитель от киргиз-беженцев Бекимов, Аильчинов, врач Якуббаев [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 412]. По итогам совещания удалось выяснить, что за период Гражданской войны переход беженцев в пределы Синьцзяна продолжался активными темпами. Погромная деятельность под советским флагом крестьянской армии Мамонтова в 1918 г., Гражданская война в Семиречье двинули в китайские пределы беженцев-казахов из Сергиопольской, Алакульской волостей Лепсинского уезда, беженцев-киргизов — из Копальского и отчасти Джаркентского уездов. Позднее, в 1920 г., к ним присоединились казахи Боганской, Хабарасийской, Кокпектинской, Чириктинской волостей

Зайсанского уезда Семипалатинской области. Надо отметить, что это движение коснулось в значительном количестве таранчинцев и дунган Джаркентского уезда. Всего к 1921 г. в Синьцзянской провинции находилось до 150 000 беженцев [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 416–419].

Стабилизация политической ситуации в Туркестанской АССР и близость окончания гражданского противостояния послужили сигналом к возврату беженцев на Родину. Громадное большинство уходящих в Россию весной-осенью 1921 г. переходило границу «самотеком», что создавало массу недоразумений. Китайские власти таких нелегалов задерживали, арестовали, а скот отбирали. Те, кто собирался покинуть пределы Синьцзяна официально, согласно распоряжениям китайских властей были обязаны заплатить долги, если они имелись, а также особый налог (5% стоимости перегоняемого скота) [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 421].

Тем не менее, к осени 1922 г. в пределы Туркестанской АССР вернулось около 100 тыс. беженцев. По донесениям уполномоченных Советского правительства в Кульдже и Чугучаке Представительству Народного комиссариата иностранных дел РСФСР в Средней Азии, беженцев, оставшихся в пределах Китая, насчитывалось 46–50 тыс. человек. «В Илийском районе края с Вороталинским районом и Тарбанатаем осталось до 33 000 душ киргиз. В Уч-Турфанском, Аксуйском и Кашгарском районе до 2000 юрт (т. е. 12000 человек), 2000 человек одиночек таранчинцев Джаркентского и Верненского уездов и 1500 человек дунган почти исключительно Пржевальского и Вервенского уезда, расселенные по всей Синьцзянской провинции (Хами, Гучен, Карашаар, Аксу, Уч-Турфан, Кучи и города Илийского края) до 8000 человек» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 423].

Экономическое положение оставшихся в пределах Синьцзяна беженцев оставалось крайне тяжелым. Во время бегства в 1916 г. из Туркестана они лишились значительной части своего имущества и скота, которые были направлены на выплаты синьцзянским властям в виде взяток за пропуск через границу или просто отняты китайцами. Еще больший урон киргизам и казахам нанес падеж скота зимой с 1919 на 1920 г. Главным же препятствием к отъезду беженцев в Советский Туркестан являлась их задолженность китайско-подданными. Всего по данным уполномоченных Советского правительства в Кульдже и Чугучаке только 40% (20 тыс. человек) оставшихся в Синьцзяне беженцев смогли бы выехать в Россию за свой счет. Остальным 60% (30 тыс. человек) требовалась финансовая помощь советского правительства [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 423–424].

В ноябре 1922 г. Советским правительством было принято решение об ассигновании 25 тыс. руб. золотом на проведение реэвакуации киргизов и казахов — беженцев из Синьцзяна [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 427–428]. В Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) была разработана специальная инструкция по реэвакуации беженцев Западного Китая, направленная Уполномоченному НКВД в Средней Азии Л. М. Михайлову. Согласно инструкции, выделенные средства должны были расходоваться исключительно на нужды беженцев, не имеющих возможности выехать в Советскую Россию «вследствие задолженности или отсутствия средств для проезда, то есть а) уплачивается их задолженность (по возможности не вся сумма), б) оплачи-

вается наем перевозочных средств от места нахождения беженца до города Пржевальска, Джаркента или Бахты (в зависимости от района его нахождения) и в) выдаются кормовые деньги из расчета минимальной действительной потребности». Кроме этого, выделенные средства могли расходоваться на доставку валюты до Чугучака и Кульджи, «содержание сотрудников по беженским делам при представительствах НКВД» в Синьцзяне и выплату им командировочных расходов [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 429–430].

Уполномоченный Совнаркома Туркестанской республики Баронбаев, непосредственно участвовавший в реэвакуации киргизских и казахских беженцев из Синьцзяна, вспоминал об этих событиях: «в качестве мер, обставляющих организованность работ, было выдвинуто создание совещания при Уполномоченном НКВД в числе трех человек во главе с Уполномоченным НКВД. Это совещание должно было руководить принципиальной стороной работы, включая и расходование отпущенных средств, одновременно с этим по решению совещания был организован живой, гибкий агитационный аппарат из самих беженцев, цель которого должна была выразиться установлением непосредственной связи между беженской массой и представительством». Члены созданного совещания также проводили работу, связанную с регистрацией беженцев, подготовкой необходимых им документов и официальной отправкой на Родину, осуществляли взаимодействие с китайскими региональными органами власти по данному вопросу [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 431–435].

С начала 1923 г. началась реэвакуация беженцев — казахов и киргизов из Синьцзяна в ТурАССР. По донесениям Уполномоченного НКВД в Средней Азии Л. М. Михайлова, всего «с начала года по 1 июня 1923 г. прошло 892 человека. Из Чугучака в июле направлено 300 юрт бедняков. В августе Кульджинское представительство направит в Джаркент 200 семей. Предполагается к отправке еще 500 семей. На реэвакуацию кириз отправлено в Кульджу 17 тыс. серебром и 6 тыс. золотом на реэвакуацию белых. Белых реэвакуировано из Китая в Алма-Ату более 100 человек. Общее число белых в Кульджинском крае около 600 чел.» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 431].

В начале 1924 г. советским властям пришлось констатировать, что темпы возвращения на Родину киргизских и казахских беженцев крайне низкие. Одной из центральных причин сложившейся ситуации указывалась плохая осведомленность беженцев о мерах советского правительства, предпринимаемых для их возвращения в Туркестан. В объяснительной записке Уполномоченного НКВД в Кульдже З. И. Печатникова заведующему отделом Среднего Востока НКВД В. М. Цукерману от 9 апреля 1924 г. подчеркивалось «в Кульджинском крае остался преимущественно беднейший батрацкий элемент, не имеющий до сего времени возможности выехать на родину в силу своей бедности и не воспользовавшийся помощью для этого Представительства НКВД вследствие своего неведения об этом и отдаленности от местонахождения последнего, то есть от г. Кульджи. Представительство же, лишенное права объезда своего консульского района, побывать в местах расположения беженцев, произвести регистрацию и оказать необходимую для выезда помощь в настоящее время не в состоянии» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 449–450].

Среди прочих причин, тормозящих процесс реэвакуации, Уполномоченный НКВД в Средней Азии Л. М. Михайлов называл заинтересованность китайских властей в киргизах-беженцах как объекте обложения поборов и как дешевой рабочей силе; неуверенность состоятельной части киргизов и казахов в неприкосновенности их имущества при возвращении на родину; большая задолженность неимущих беженцев местному китайскому населению, превратившая их фактически в рабов; опасения беженцев быть ограбленными при переходе границы; влияние местной организации «Шанхай», «состоящей из беженской киргизской и мусульманской интеллигенции, тормозящей реэмиграцию» [ЦГА КР. Ф. 2178. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–21 об.].

Для устранения всех вышеперечисленных проблем советское руководство принимало значительные меры. С целью организации выезда малоимущих и обедневших казахов и киргизов были увеличены объемы материальной помощи реэвакуированным. Беженцам для переезда предоставлялись подводы от Кульджи до Джаркента Семиреченской области ТурАССР, где они поступали для дальнейшего устройства в беженские комиссии. На дорогу до Джаркента им выдавались денежные средства. Китайским властям Синьцзяна «за пропуск беженцев обоего пола 16 и свыше лет выплачивалось по 10 илийских тецз» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 450].

Параллельно усиливалась работа по приему и обустройству беженцев в Киргизской (Казахской) АССР и Туркестанской АССР, Автономной Кара-Киргизской области КирАССР. Специально подготовленная Особой комиссией ТурЦИКа инструкция от 8 мая 1921 г. по приему беженцев, прибывающих из Китая в Семиречье, и оказанию им первоначальной помощи была направлена в специально созданные уездные комитеты беженцев. Инструкцией предполагалось создание для пребывающих из Китая беженцев в пограничных уездах Семиреченской области приемо-питательных пунктов. Особо в инструкции подчеркивалось, что принимать беженцев необходимо только по предоставлению последними документов, «удостоверенных Китайским Правительством или Представителями РСФСР в Китае об их личности как беженца». Все реэвакуированные заносились в регистрационную книгу по установленной форме, после чего им выдавалось удостоверение с отметкой о видах помощи, оказанной им приемно-питательным пунктом. Перед отправкой на новое место жительства беженцы подвергались медицинскому осмотру, больные обязательно направлялись в ближайшие медицинские пункты на карантин. Из прошедших все формальные процедуры реэвакуированных формировали группы и направляли в волости и аулы, на места нового жительства [ЦГА КР. Ф. 2178с. Оп.1с. Д. 3. Л. 22–22 об.].

Особо следует отметить, что возвращение на родину казахских и киргизских беженцев, организованное советской властью, приняло классовый характер. Так, например, работа приемно-питательных пунктов и предоставляемая ими помощь дифференцировалась в зависимости от социально-имущественного положения реэвакуированных. «Состоятельные беженцы» лишались «всех видов пособий, кроме продуктов довольствия со стороны питпункта»; неимущие беженцы получали «все виды довольствия, как средства передвижения, так и продукты довольствия первой необходимости», им предоставлялись «материал на одежду и обувь», «подводы за счет Уездкомбежа по уста-

новленной таксе, суточные по 450 р. на взрослых и по 225 р. на детей до 10-летнего возраста» [ЦГА КР. Ф. 2178с. Оп. 1с. Д. 3. Л. 22–22 об.].

Классовую сущность процесса реэвакуации казахских и киргизских скотоводов из Синьцзяна подчеркивали и представили региональной власти. В одном из отчетов Совнаркому СССР отмечалось: «Весь процесс реэвакуации сначала и до конца в общем имеет громадное значение для общественно-политической жизни Тарбагатайского округа. Прежде всего, реэвакуация беженцев носит характер политической борьбы богатых и бедных. На самом деле вопрос закабаления и задолженности в процессе работы вылился в то, что кредиторы, должники вступали в массовые споры, преходящие иногда в кулачные бои и возмущения. Кредитор требовал и не отпускал. Беженец-батрак-должник вырывался от его когтей к свободе открыто, не платя несправедливые долги. Казалось, эта борьба при благоприятных условиях подготовки перейдет в массовый ожесточенный бой между богатыми и бедными. Замечалось, во многих беженцах-киргизах пробуждается сознание, что он несправедливо закабален и растоптан, и нужно сделать решительный шаг к тому, чтобы порвать эти тяжелые цепи» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 446–448].

Действительно, по данным Уполномоченного НКВД при правительстве РСФСР Ф. А. Ротштейна, по своему социальному составу беженцы делились на три группы. Первую составляла «самостоятельная часть, богатства которой измерялись числом баранов от 50 до 200 на семью. Их 5% от общего числа беженцев. Ко второй группе относилась часть среднего достатка, богатства которой измерялись числом баранов от 10 до 50 на семью. Эта группа составляет 50% от общего числа беженцев. К третьей группе, равняющейся 45% от общего числа беженцев, принадлежали работающие по найму: пастухи, батраки и тому подобные. Эта последняя группа была вся в долгу у китайцев. Она разбросана по всей Синь-Цзянской провинции, обстоятельство, затрудняющее определение местонахождения отдельных беженцев этой группы» [ЦГА КР. Ф. 2178. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–21 об.].

Данные обстоятельства требовали от региональных органов советской власти увеличения темпов реэвакуации беднейших слоев беженцев. На протяжении 1925–1926 гг. они значительно увеличили финансирование процесса реэвакуации, оказания материальной помощи беженцам. Во второй половине 1926 г. в Синьцзян была направлена специальная комиссия СНК РСФСР, посетившая главные районы сосредоточения беженцев. В результате произведенного ею обследования было установлено, что к концу 1926 г. в Кашгарско-Аксуйском районе продолжали кочевать 450 юрт, в Урумчинском районе — 50 юрт, в Илийском (Кульджинском) — 1400 юрт. Всего 1900 юрт, приблизительно численностью 11000 человек. Кроме вышеуказанных районов, некоторое количество беженцев имелось в Тарбагатайском (Чугучакском) округе Синьцзяна. Однако из-за частных перекочевок казаков-беженцев учесть их было крайне сложно [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 459].

По заключению Комиссии, за истекшие 1922–1926 гг. основная масса беженцев уже была эвакуирована в СССР. Оставшиеся 1900 юрт принадлежали в основном зажиточным беженцам, «завязавшим новые семейные и экономические связи в Синьцзяне», поэтому рассчитывать на их возвращение на родину не приходилось.

Беженцы-батраки, связанные кабальными отношениями с местными баями, и беднота, «закабаленная китайскими властями для отбывания натуральных повинностей» (в районе Джихо Илийского округа) приблизительно составляли, по данным комиссии, несколько сотен семейств. Китайские власти Синьцзяна охотно готовы были переправить их в СССР при условии ликвидации их кабальных «долгов» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 459].

На основании полученной информации заседание Особой комиссии по пограничным вопросам в Ташкенте в составе: уполномоченного НКВД в Узбекистане, ПП ОГПУ в Средней Азии, уполномоченного НКТорга СССР в Средней Азии и др., состоявшееся 15 декабря 1926 г. в Ташкенте, постановило: «ввиду возвращения в СССР значительной части беженцев, закончить реэвакуацию беженцев-казаков и киргиз не позднее мая 1927 г.». Этот срок на основании ходатайства консула в Кульдже был продлен до 1 октября 1927 г. [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016: 460].

Таким образом, вопрос о возвращении в СССР беженцев — участников туркестанского восстания 1916 г. занял важное место в национальной политике советского руководства. Оно обратилось к нему в 1921 г., после окончания Гражданской войны. Всего на территории Синьцзяна к этому времени находилось около 150000 казахских и киргизских беженцев. Основная организационная работа по выявлению беженцев, проведению среди них разъяснительной работы, урегулированию правовых вопросов с представителями власти Синьцзянской провинции, а также, собственно, само переселение беженцев в пределы Казахской и Туркестанской автономных Советских Социалистических Республик пришлось выполнять уполномоченным Народного комиссариата по иностранным делам в Кульдже и Чугучаке. В результате в 1927 г. основной массив беженцев был реэвакуирован в пределы СССР. На территории Синьцзяна остались проживать около 10–11 тысяч участников восстания 1916 г., в основном зажиточные скотоводы, отказавшиеся возвращаться на родину.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бедельбаев А. Б. Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16, № 1. С. 201–205.

Восстание 1916 года в Туркестане. Документальные свидетельства общей трагедии : сборник документов и материалов / под ред. Т. В. Котюковой. М., 2016. 458 с.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 3. Алматы : Наука, 2000. 766 с.

Какеев А. Ч. Восстание 1916 г.: к проблеме историографии и источниковедения // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2015. Т. 15, № 5. С. 200–206.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. 1924. № 6. С. 270–274.

Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году. Кызыл-Орда : Гос. изд-во КССР, 1926. 124 с.

Сапаргалиев Г. С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алма-Ата : Наука, 1966. 376 с.

Судейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата : Наука, 1977. 164 с.

Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. 428 с.

Усенбаев К. Восстания 1916 г. в Киргизии. Фрунзе: Госиздат УзССР, 1967. 327 с.

Центральный государственный архив Кыргызской Республики

Charles W. Hostler. Turkism and the Sarts. London: G. Allen & Unwin, 1957. P. 189. (на англ. яз.).

Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Бочкарева И. Б. и др. Элементы европейской политической культуры в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций (конец XIX — начало XX в.) // Былые годы. 2015. № 4. С. 955–964.

Sokol Edward Denis. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor: Johns Hopkins University. 1954. P. 216 (на англ. яз.).

REFERENCES

Bedelbaev A. B. Vosstanie 1916 goda v Kyrgyzstane skvoz prizmu periodicheskoy pechati [The revolt of 1916 in Kyrgyzstan through the prism of periodicals]. | *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavianskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University]. 2016, vol. 16, no.1. S. 201–205 (in Russian).

Vosstanie 1916 g. v Turkeстане. Dokumentalnye svidetelstva obschey tragedii: Sbornik dokumentov i materialov. [The 1916 rebellion in Turkestan. Documentary evidence of a common tragedy: a Collection of Documents and Materials]. / Ed. by T. V. Kotyukova, 2016. 458 s. (in Russian).

Istoriya Kazahstana s drevneyshih vremen do nashih dney v pyati tomah. [History of Kazakhstan from ancient times until nowadays]. 2000, vol. 3. 766 s. (in Russian).

Kekeev A. C. Vosstanie 1916 g.: k problem istoriografii i istochnikovedeniya. [The Revolt of 1916: the problem of historiography and source studies]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavianskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University]. 2015, vol. 15, no. 5. S. 200–206 (in Russian).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive* [Russian State Military Historical Archive] (in Russian).

Ryiskulov T. Iz istorii borby za osvobozhdenie Vostoka [From the history of the struggle for the liberation of the East]. *Novyi vostok* [The new East]. 1924. S. 270–274 (in Russian).

Ryiskulov T. Vosstanie tuzemtsev Sredney Azii v 1916 godu. [The uprising of the natives of Central Asia in 1916]. 1926. S. 46–122 (in Russian).

Sapargaliev G. S. Karatelnaya politika tsarizma v Kazahstane (1905–1917gg.) [The punitive policy of tsarism in Kazakhstan (1905–1917 gg.)]. 1966. 376 s. (in Russian).

Suleymenov B. S., Basin V. Ya. Vosstanie 1916 g. v Kazahstane [The revolt of 1916 in Kazakhstan]. 1977/ 164 s. (in Russian).

Tursunov H. Vosstanie 1916 g v Sredney Azii i Kazahstane. [The revolt of 1916 in Central Asia and Kazakhstan]. 1962. 428 s. (in Russian).

Usenbaev K. Vosstaniya 1916 g. v Kirgizii. [The revolt of 1916 in Kyrgyzstan]. 1967. 327 s. (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki [Central State Archives of the Kyrgyz Republic] (in Russian).

Charles W. Hostler. Turkism and the Sarts. London:: G. Allen & Unwin,, 1957. p. 189 (in English).

Lysenko Yu. A., Anisimova I. V., Bochkareva I. B. I dr. Elementy evropeiskoi politicheskoi kul'tury v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossiiskoi imperii: spetsifika vospriiatiia zarubezhnykh kul'turnykh innovatsii (konets XIX — nachalo XX veka). *Bylye Gody* [Bylye gody]. 2015, vol. 38. no.4. S. 955–964 (in Russian).

Sokol Edward Denis. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor: Johns Hopkins University, 1954. 216 s. (in English).

Цитирование статьи:

Лысенко Ю. А. Процесс возвращения беженцев — участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской власти в 20-е гг. XX в. // Народы и религии Евразии. 2020. №4 (25). С. 112–122.

Citation:

Lysenko Y. A. The process of returning refugees — participants of the Turkestan uprising of 1916 from China by the organs of Soviet power in the 1920s of the 20th century. Nations and religions of Eurasia. 2020. №4 (25). P. 112–122.
